

УДК 82:1(47)
ББК 83.3:87(2)

Татьяна Александровна Кошемчук

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет; профессор, заведующая кафедрой иностранных языков и культуры речи, доктор филологических наук, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: koshemchukt@mail.ru

«Мысль», «ум», «мышление» в стихотворениях Пушкина, Лермонтова, Соловьева, Лосева

Аннотация. Впервые выявляется и анализируется один из постоянных мотивов русской лирики – мотив *мышления*. Рассматриваются сквозные тематические линии классического периода русской литературы (Бог, мир, человек, путь поэта), укорененные в религиозной традиции и питаемые ею: размышления поэтов о *мысли* импульсируются требованием внимания к внутренней жизни и уму в практике христианской жизни. Процесс мышления, являющийся объектом интеллектуальной рефлексии поэтов, объектом их созерцания и наблюдения еще и под влиянием немецкой философии, осваиваемой на русской почве, анализируется на примере творчества Пушкина и Лермонтова. Многочисленные лексемы «мыслить», «думать» в лирике XVIII века, употребляемые вне философского контекста, становятся своего рода поэтической *гносеологией* в рефлексии поэтов XIX столетия. Мотив *мышления*, проходящий через всю русскую лирику, рассматривается как отдельный аспект философской поэзии в целом, образующий метатекст, значимый для воссоздания картины мира поэта. Опыт созерцательного и мыслительного постижения истины в русской лирике анализируется также на примере творчества поэтов-философов Вл. Соловьева и А.Ф. Лосева. Стихи Соловьева и поэтический трактат Лосева «Оправдание» рассматриваются как плодотворное единство двух путей, значимых для русской культуры в целом, – ума и сердца, интеллектуальной рефлексии и созерцания, философской мысли и поэтического образа.

Ключевые слова: поэтология, русская философская лирика, поэзия мысли, интеллектуальная рефлексия, метатекст

Tatjana Alexandrovna Koshemchuk

Saint-Petersburg State Agrarian University, Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Culture of Speech, Dr. Hab. (Philology), Russia, St. Petersburg, e-mail: koshemchukt@mail.ru

“Thought”, “mind”, “thinking” in the poems of Pushkin, Lermontov, Solovjov, Losev

Abstract. The article identifies and analyzes, for the first time, one of the permanent motives of Russian lyrics – the motive of thinking. The thematic lines of the classical period (God, world, man, poet's path) are rooted in the religious tradition; the poets' reflections on thought are stimulated by the demand for attention to inner life and to the mind in the practice of Christian life. The process of thinking becomes the object of intellectual reflection of poets under the influence of German philosophy. Thought, as one of the phenomena of the world, enters into a wide sphere of poetic perceptions, becomes an object of contemplation primarily in the works of Pushkin and Lermontov. Numerous lexemes “to think” in the XVIII century were used outside the philosophical context; the analyzed reflections of the poets of the XIX century form a kind

of poetic epistemology – the knowledge of thought. The motive of thinking that runs through all Russian lyrics is presented in the article as a separate aspect of philosophical poetry as a whole, it forms the metatext that is significant for describing the poet's worldview. Solovyov and Losev gained the experience of both contemplative and mental comprehension of the truth. In Solovyov's poems, thinking is the basis and generating condition for visions. In Losev's poetic treatise "Justification", the mind is affirmed as the mental basis of the heart's life, and love in its elevation to meaning – as the mind. Thus, the philosophical poets expressed in poetry the fruitful unity of two paths that are significant for Russian culture as a whole – mind and heart, intellectual reflection and contemplation, philosophical thought and poetic image.

Key words: poethology, Russian philosophical lyrics, poetry of thought, intellectual reflection, metatext

DOI: 10.17588/2076-9210.2024.2.092-105

Русская философская лирика анализируется как проявление мировоззренческих концепций ее творцов и как отражение христианских оснований поэтической картины мира. Выделяя важнейшие мотивы (Бог, мир, творчество, духовный путь) – грани константного комплекса переживаний поэта классической эпохи, фиксирующие основные черты его лирического образа, можно заметить, что еще один мотив – *мышления, ума, мысли*¹, ранее не затронутый исследователями, охватывает круг стихотворных высказываний, в которых проявлены значимые свойства субъекта лирического сознания. Наряду с поэтической *онтологией* и поэтической *антропологией*, в русле мотивного анализа можно рассмотреть и поэтическую *гносеологию*, которую можно обозначить как мотив *мышления*. В статье «Судьба Пушкина» В.С. Соловьев писал: «Пушкин вовсе не был мыслителем в области умозрения, как не был и практическим мудрецом» [1, с. 32]. Так что философские термины употребляются как указующие на общие тематические направления поэтических рефлексий поэтов классической эпохи.

С.Л. Франк, характеризуя Пушкина в работе «О задачах познания Пушкина», отметил, что он «не есть» систематический мыслитель», «теорети»², и далее назвал его самым замечательным умом XIX века, учителем мудрости и истинно великим мыслителем; главной задачей Франк считал исследование цельного духа поэта, чему должно способствовать изучение выраженных в его творчестве мыслей. Именно в этом ключе и будет разворачиваться анализ пушкинского мотива мышления. *Мысль, дума, ум* предстают в опыте поэтов, прежде всего Пушкина и Лермонтова, не как объекты развернутых философских размышлений, но как объекты беглых созерцаний и попутных наблюдений в контексте иных тем (отдельные произведения, посвященные *мысли*, появятся у Боратынского и Тютчева), и воплощающие их стихотворные фрагменты скла-

¹ Здесь и далее курсив в основном тексте и в цитатах наш – используется для выделения ключевых слов.

² См.: Франк С.Л. О задачах познания Пушкина // Франк С.Л. Этюды о Пушкине. СПб., 1998. С. 62 [2].

дываются в метатекст. Думается, что одна из задач поэтологии – проследить развитие этого метатекста. При этом поэтологический анализ предполагает восприятие мыслей о *мысли* как своего рода философских высказываний в стихах (при отвлечении на этом этапе от задач собственно поэтики).

Мотив *мышления* складывается в русской поэзии в начале XIX века, чему способствовало освоение немецкой философии на русской почве. Это время, как пишет Е.А. Тахо-Годи в статье «Русская литература и философия: проблемы изучения и предварительные итоги», являет «подлинную синэргию этих двух составляющих русской культуры – философии и литературы»³ (рассудочная философия XVIII века не принесла в развитии мотива мышления значимых плодов). Но только интеллектуальный опыт недостаточен для поэта – не менее значительным было глубинное воздействие христианской традиции с ее праксисом самонаблюдения. Так, по свт. Василию Великому, человек – это *душа* и *ум*, и *умною силою души* подобает наблюдать за собой, за *умом* и мысленными грехами, согласно гомилиям на ветхозаветные слова «Внемли себе» (Втор. 15: 9)⁴.

Стоит подчеркнуть: ставя мотив *мышления* в центр внимания, мы говорим не вообще о мыслях поэтов, не об их мудрости или о поэзии мысли в целом, а именно о созерцании самой *мысли* и стремлении к пониманию ее природы. В стороне останется бытовое употребление слов «мыслить», «думать», что можно отметить у любого поэта любой эпохи. Так, в стихах А. Кантемира лексемы «мыслить», «смыслить» означают «иметь мнение, полагать». И это не имеет отношения к интересующему нас *гносеологическому* по сути мотиву, которого поэт XVIII не коснулся. Оставим в стороне и лексему «рассудок», отголосок классицизма, ставшую объектом насмешки уже в ранних стихах Пушкина, как, например, в аллегорическом шутовском стихотворении «Рассудок и любовь» (1814 г.), где рассудок побежден чувством; ему предпочитается и пиршественная чаша («Пирующие студенты», 1814 г.).

Поэт обнаруживает в себе, созерцает, анализирует иное мышление, иной *ум* и иную, новую *мысль*. Но, когда он говорит, например, «я думал, что любовь погасла...», это еще не *феноменология* мысли, не наблюдение над мышлением – речь идет о любви. И даже если Пушкин употребляет словосочетания «сердечная дума» и «дума сердца», он говорит о чувстве, пропущенном через сознание, не о сознании как таковом. Но сами эпитеты, характеризующие *мысли* в стихах Пушкина, уже говорят об утонченном внимании поэта к их оттенкам и о тщательном их фиксировании. В образном арсенале мотива мышления у Пушкина и Лермонтова преобладают именно эпитеты, и традиционные, и своеобразные. Так, *мысли* у Пушкина *высокие*, *благие*, *великие*, они могут быть *приятными* или *скорбными*. Характерна для поэта и *смерти мысль*, которая не страшна, но *мила душе*. Пуш-

³ См.: Тахо-Годи Е.А. Русская литература и философия: проблемы изучения и предварительные итоги // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 12 [3].

⁴ См.: Василий Великий (епископ Кесарии Каппадокийской, святитель). На слова: Внемли себе / изд. подгот. О.В. Алиева. М.: Изд-во Греко-латинского кабинета Ю.А. Шичалина, 2016. 200 с. [4].

кин не только отмечал душевные оттенки *мыслей* (*веселые* или *грустные, сладкие* или *мрачные*), но ему было присуще, с его вниманием к этической и религиозной стороне жизни, различие *дум светлых* и *темных* по их источникам, *вечных* и *чистых* или же *ужасных, смутных, ложных*. Первые отмечены как плодотворные – *творческие*, вторые – как *зловещие*.

«Я жить хочу, чтоб *мыслить* и страдать...» [5, с. 169] – в этой пушкинской строке из стихотворения «Элегия» (1830 г.), как было отмечено В.С. Непомнящим, «больше Православия, чем во многих декларациях ..., это ... экзистенциальное, внутреннее выражение православного мироощущения»⁵. Однако исследователь акцентирует именно *страдание*, а не *мышление* (в другом месте, приведя этот же стих, он комментирует уникальность пушкинской этической позиции⁶: «Жить, чтоб страдать?»⁷). У Пушкина же «*мыслить*» стоит на первом месте: главная составляющая бытия и его смысл, то, ради чего стоит *жить*, – *мысль*. Франк писал в работе «О задачах познания Пушкина»: «Его завет поэту – дорогою свободно идти, куда влечет его свободный *ум* ..., и смысл его собственной жизни среди печали, труда и горя – “жить, чтоб *мыслить* и страдать”» [2, с. 65], – выделяя курсивом «ум» и «мышление». Тем не менее далее, говоря о рефлексии поэта, Франк, как и иные пушкинисты, не касаются его размышлений об *уме* и *мышлении*.

Из многих тематических аспектов⁸ в развитии мотива мышления у Пушкина можно выделить прежде всего суждения поэта о значимости внутренней работы над мыслью, своего рода ученичества (в стихотворении «Чаадаеву», 1821 г.):

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихой труд, и жажду *размышлений*.
Владею днем моим; с *порядком* дружен ум;
Учусь *удерживать* вниманье долгих дум... [9, с. 47].

Своенравию как качеству творческого дара, не обработанного еще сознательными усилиями, поэт противопоставил не только строгую умственную дисциплину, но и возвращаемую *жажду* размышлений, трансформируемую из жажды воли: своеволие обуздывается через интеллектуальный *труд*. Для этого нужно, как пишет Пушкин, «... отвыкнуть от пиров, // Где *праздный ум* бле-

⁵ См.: Непомнящий В.С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. М.: Сестричество во имя прмц. Вел. Кн. Елизаветы, 2001. С. 34 [6].

⁶ Этическую составляющую, «устремление к духовному преображению» в поэтической философии Пушкина подчеркивает Зеньковский (см.: Зеньковский В.В. Философские мотивы в русской поэзии // Поэзия как жанр русской философии: антология / сост. И.Н. Сиземская. М.: ИФ РАН, 2007. С. 35–42 [7]).

⁷ См.: Непомнящий В.С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. С. 235.

⁸ О тематичности лирических мотивов см.: Силантьев И.В. Лирический мотивный комплекс // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы / отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2011. С. 108–109 [8].

стит...»⁹, оставить ложный блеск светского ума. Поэт стремится к порядку мыслей, их последовательному развертыванию, к *удерживанию* мыслительного внимания. Это учение *вниманью долгих дум* позднее отзовется как умение: «...*думы долгие* в душе моей питаю»¹⁰.

Еще одно наблюдение над жизнью ума и мысли выражено в стихотворении «Таврида» (1822 г.), в котором Пушкин касается темы смерти, говоря о *ничтожестве*, то есть о превращении в ничто после смерти. Эта идея смертности души – *непонятный мрак* для сердца – не может быть принята на веру, она чужда мысли, а в душе рождает *однообразное мрачное волнение*. Внеположность ее человеческому сознанию – вывод поэта, но *мысль* о вечности и о красоте способна возратить *уму ясность*.

В стихотворении «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (1836 г.) Пушкин фиксирует воздействие на свои мысли *публичного* петербургского кладбища, с неухоженными тесными могилами на *болоте*, с *нелепыми* надписями, следами тщеславия (ему противопоставлено *кладбище родовое* с его *торжественным покоем*). Дисгармоничный городской мир смерти, ожидающий тех, кто еще жив, своими отверстыми, впрок заготовленными могилами противоестествен для души и навевает *злое уныние* и *смутные* мысли.

Отметим и роль ума в творчестве – в стихотворении «Осень» (1833 г.) поэт отмечает работу *мыслей* в самом зарождении творческого импульса. Описанная ситуация – уединение, вечернее угасание, чтение, горящий огонь, *долгие думы*. Мыслительный поворот от мира к себе рождает своего рода *усыпление* души: «Я сладко *усыплен* моим *воображеньем*...»¹¹. Подобным же образом Пушкин охарактеризовал и состояние сознания Онегина – как *усыпленье чувств* и *дум*, когда он погружается в созерцание картин памяти. Поэт же переживает творческий процесс: «И пробуждается поэзия во мне...»¹². Этой стадии сопутствует активность *мысли*, ее мужественность (*отвага*) и одновременно эмоциональность (мысли *волнуются*), при этом речь идет не о *сердечных думках*, не о душевных переживаниях, но именно о мыслительном (*в голове*) процессе: «И *мысли* в голове *волнуются* в отваге...»¹³. Описанное поэтом состояние ума необходимо для творчества, для обретения рифм, которые *бегут* навстречу *мыслям*.

Пушкин является первым поэтом, который созерцал *мысль* как арену, на которой действует дух человека. В потоке своих стихотворений он описывал многие существенные грани мышления, всегда лаконично и емко, в глубоких и убедительных наблюдениях создавая поэтическую феноменологию мысли.

⁹ См.: Пушкин А.С. Чаадаеву // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1977. С. 47 [9].

¹⁰ См.: Пушкин А.С. Осень // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 248 [10].

¹¹ Там же. С. 248.

¹² Там же.

¹³ Там же.

В лирике Лермонтова, начиная с ранних стихотворений, мотив *мышления* развивается интенсивно¹⁴, поэт изначально сделал выбор в пользу *мысли, тайной мысли*, которая скрыто живет в его душе как ее средоточие. Ей отдано предпочтение перед всеми прочими ценностями жизни (славой, любовью) – об этом говорится в стихотворении «Отрывок» (1830 г.):

Для тайных дум я пренебрег
И путь любви, и славы путь... [12, с. 114–115].

Поэт познал *власть думы*, которая захватывает подобно пламенной страсти и *сжигает* душу. Он осознавал свою обреченность на неусыпность *томительных мыслей* («Farewell (Из Байрона)» (1830 г.)). *Тайные мысли* – *вечный яд* – отравляют жизнь, от них нет спасения, даже если душа жаждет покоя («К ***» (1830 г.)). От *черных дум*, говорит Лермонтов («Н.Ф. И...вой» 1830 г.), не спасут ни дружба, ни любовь. В стихотворении «Смерть» перечисляются все *прельщения* жизни, которые были отвергнуты поэтом, и среди этих *прельщений* – *пытки дум*. Эти мучительные, *бесполезные думы, черные, томящие*, ни о чем ином, как о бессмертии или о смертности души. Поэт предстает перед нами мучеником *мысли*, причем добровольным: он *не раб* своей *мечты*. При сетованиях, порой звучащих в стихах, при желании обрести покой *без дум, без ропота* («Стансы» (1830–1831 гг.)), он принимает эту свою участь – быть невольником мысли. Он готов к ней – *в силах* ее вынести, как пишется в стихотворении «Ночь» (1830–1831 гг.):

Я в силах перенести мученье
Глубоких дум, сердечных ран... [13, с. 310].

Поэт создает свой мир благодаря *силе мысли*. В стихотворении «1831-го июня 11 дня» он говорит о своей способности вместить века в краткий час, пережить их в своем сознании: «...*силой мысли* в краткий час // Я жил века и жизньную иной...»¹⁵. Волевой, энергичный характер *мыслей* поэта – это их яркая своеобразная черта, Лермонтов описывает *мысли* в их *борении*, его мысли *сильные, дышащие силой, ум деятельный*: «Всегда *кипит* и *зреет* что-нибудь // В моем *уме...*» [14, с. 190]. В стихию *действенной мысли* поэт погружается глубоко: он может *утонуть умом* в единой, не отпускающей его *мысли* («Отрывок» (1831 г.)). Поэты нередко говорят о недостаточности слов для вы-

¹⁴ В статье «Мотивы поэзии Лермонтова» Л.М. Шемелевой в «Лермонтовской энциклопедии» немало внимания уделяется романтическому мотивному комплексу в стихах поэта, но мотив мышления в нее не включен (см.: Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 290–291 [11]).

¹⁵ См.: Лермонтов М.Ю. 1831-го июня 11 дня // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1958. С. 183 [14].

ражения душевной жизни, у Лермонтова же речь идет о *боренье дум*, о *пыле страстей*, о *мощи желаний*, именно для них он не находит *сильных звуков*.

В стихотворении «Отрывок» (1831 г.) можно отметить ряд характеристических эпитетов: поэт говорит о мысли, «...как надежда, *чистой и прекрасной*, // Как *вольность, сильной и святой*»¹⁶. Эпитеты, описывающие *мысль* у Лермонтова, подчеркивают красоту и силу *мысли*, но самобытны они, прежде всего, в выявлении волонтаристского оттенка. Также нужно отметить их резкую поляризованность: с одной стороны, это мысли *живые, печальные, глубокие, сердечные, свободные, легкие*, с ярким возвышенным оттенком; поэт отмечает, что в нем живет *мысль чистая, прекрасная и святая, тайная, небесная, благородная, неземная, великая, таинственная*. С другой стороны, он фиксирует в себе *думу черную, грешную, гордую, жадную, тяжелую, зловещую, честолюбивую, пленную*; поэт замечает в себе *мысли*, демонические по их источнику. Так, в стихотворении «Ночь I» (1830 г.) описано *видение* поэта, созерцание подъема души в горние сферы, который осложняется взглядом вниз, на собственное покинутое разлагающееся тело. Создается предельно острая и мучительная картина, которая внушает сомнение в возможности воскрешения:

И мне блеснула *мысль*: – (творенье ада)
 Что если время совершит свой круг
 И погрузится в вечность невозвратно,
 И ничего меня не успокоит,
 И не придут сюда простить меня?.. [15, с. 8].

Искусительная мысль опознается поэтом как *творенье адского*, грозного духа, о котором он многократно писал. *Мыслительная* обращенность к проблеме зла была характерна для Лермонтова. В раннем стихотворении «Отрывок» (1830 г.) он отмечает чуждость человеку этого духа, способного ложным светом *озарять ум* («Мой демон» (1830–1831 гг.)). Исход из драматически переживаемой демонической стихии – устремленность *мысли* к Богу, этот выход мог бы в будущем быть уделом поэта-мыслителя. Так, в стихотворении «Молитва» (1829 г.) речь идет об отдаленности *ума* от Бога, поэт молит *не карать* его за этот умственный грех. В стихотворении «1831-го июня 11 дня» утверждается высокое значение обращения *ума* к вечному бытию: пустынный пейзаж, созерцаемый поэтом, влечет его к переживанию вечности, она предстает как объект *мысли*, поражающей *ум*, и плодами этого переживания становятся постижение *гармонии вселенной* и собственной судьбы, готовность дать самому себе *отчет* в прожитой жизни. Исход *борений* сомневающейся мысли и путь к нему были предсказаны Лермонтовым в стихотворении «Н.Ф. И...вой» (1830 г.):

¹⁶ См.: Лермонтов М.Ю. Отрывок // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. С. 479.

в ответ на скептические слова героини, *погрузившись* в свое сознание, поэт утверждает *стремление* своего ума «к чему-то тайному»:

...к тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам Бог
И что б *уразуметь* я мог
Через *мышления* и годы. [16, с. 80].

О Боге, согласно строкам этого стихотворения, говорит весь видимый космос, и к Его постижению могло бы привести поэта когда-то в будущем его *мышление*.

Итак, мысли о *мысли*, *уме*, *мышлении* отражали процесс самопознания в творчестве поэтов, прежде всего у Пушкина, с его «уравновешенным»¹⁷, по словам В.С. Соловьева, умом. Драматичнее развивался мотив мышления у Лермонтова, с характерной для него «страшной напряженностью и сосредоточенностью мысли на себе»¹⁸. Философски значимые фрагменты стихотворений Пушкина и Лермонтова, лаконично и емко формулирующие поэтические прозрения в природу мышления, составили первую существенную главу в мета-тексте русской поэзии, утверждающей ценность *мысли*.

Обращаясь к поэзии философа В.С. Соловьева, к рассмотрению мотива мышления в его стихотворениях в русле поэтологических исследований¹⁹, нужно сказать несколько предвещающих слов. Соловьев писал о том, что между поэзией и философией «нельзя провести разделения»: поэзия воплощает «в осязательных образах тот самый высший смысл жизни, которому философ дает определение в разумных понятиях...»²⁰. В стихах и в теоретических воззрениях глубже проявилась личность Соловьева – об этом исследователи говорят по-разному²¹, но задача, которая ставится в настоящее время, – это целост-

¹⁷ См.: Соловьев В.С. Судьба Пушкина // Соловьев В.С. Собр. соч. Т. VIII. С. 32.

¹⁸ См.: Соловьев В.С. Лермонтов // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. С. 335 [17].

¹⁹ О поэтологии как философии поэзии на материале творчества В.Соловьева см.: Рашковский Е.Б. Философская поэтология Вл. Соловьева // Соловьёвские исследования. 2018. Вып. 4(60). С. 13–14 [18].

²⁰ См.: Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 472 [19]. О «соединении даров философии и поэзии» у Соловьева писал С.Н. Булгаков (см.: Булгаков С.Н. Природа в философии Владимира Соловьева // Вл. Соловьев: pro et contra. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2002. С. 643 [20]). Современные исследователи, развивая эту мысль, утверждают неразрывность поэтического образа и умозрения, так, об их взаимодополнительности писал, например, Д.В. Гусев (см.: Гусев Д.В. Антропологические аспекты эсхатологии в философской поэзии Вл. Соловьева и А. Белого // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 57–69 [21]), о слиянии двух граней разностороннего таланта Соловьева писал Е.В. Шмидт (см.: Шмидт Е.В. Владимир Соловьев – «философский поэт» или «поэтизирующий философ» // Соловьёвские исследования. 2008. Вып. 18. С. 238–251 [22]).

²¹ Некоторые русские исследователи подчеркивают, что поэзия раскрывает глубже мистический мир Соловьева, чем его философия. Английский филолог Оливер Смит придерживается иной точки зре-

ное описание его поэтического мира и последовательное сопоставление лирики и философии. Так, О.Н. Полякова, рассматривая такие образы, как «земля», «море», «свет», сравнивает стихотворные и философские тексты Соловьёва²²; Е.Б. Рашковский исследует поэтические темы красоты, поэзии, Софии²³. Мы же обращаемся к мотиву *мышления* в стихах поэта и философа, прочитывая их как философский текст, согласно целям поэтологического анализа.

В стихах Соловьёва философские *мысли* и духовные *созерцания* строго различаются и при этом взаимосвязаны (уже у Лермонтова «и видел я...» отделено от «и думал я...»). Главная лирическая тема Софии раскрывается у Соловьёва в описанных поэтом *видениях* (продолжающих развитие этой особой жанровой формы в русской поэзии). Во вступлении к поэме «Три свидания» (1898 г.) Соловьёв подчеркивает: визуальные мистические картины Ее явлений даются «...живому взгляду – // Не *мысленным* движением, о нет!»²⁴. О подобном опыте поэт пишет в стихотворении «В Альпах» (1886 г.): «*Мыслей без речи* и чувств без названия // Радостно-мощный прибор...» [26, с. 37]. При этом можно отметить и тему интеллектуальной рефлексии, *мыслей*, выраженных *в речи*. Так, в «Отзыве на “Песни из Уголка”» (1898 г.) Соловьёв говорит о единстве в стихах К. Случевского умозрения и высшего способа постижения мира (который он не называет впрямую, указывая на его невыразимость):

Дарит меня двойной отрадой
Твоих стихов вечерний свет:
И мысли ясною прохладой,
И тем, чему названья нет [27, с. 114].

Мысль в стихах Соловьёва может предшествовать визионерскому экста- тическому опыту. Так, в стихотворении «Прометею» (1874 г.) сначала показано действие *ума* (понимание) в рационалистическом ключе – ошибочное *мнение* есть исток зла:

...твой ум поймет,
Что только в призраке ребяческого мненья
И ложь, и зло живет... [28, с. 4].

ния: он пишет о софианских видениях молодости Соловьёва и о существенных умолчаниях о них: «...when, in 1898, he finally comes to write an account of his sophianic visions, he chooses not only the remove provided him by poetic form but the further disguise of humour...» [23, с. 23]. Он считает, что сама поэтическая форма была способом сокрытия главного (см.: Smith Oliver. Vladimir Soloviev and the Spiritualization of Matter. Boston, USA: Academic Studies Press, 2010. С. 23–24 [23]).

²² Полякова О.Н. [Зотова О.Н.]. Точки соприкосновения поэзии и философии Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 2(34). С. 81–90 [24].

²³ Рашковский Е.Б. Философская поэтология Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2018. Вып. 4(60). С. 11–26.

²⁴ См.: Соловьёв В.С. Три свидания // Соловьёв В.С. Полн. собр. стихотворений. М.: Книга по требованию, 2021. С. 125 [25].

Эта рефлексия становится своего рода порождающим условием для духовного созерцания: «...И утро вечное восходит к жизни новой // Во всех, и все в Одном»²⁵. Как описано в поэме «Три свидания», Вечная Женственность предстает в мистическом созерцании также в ответ на трезвую мысль: «Я ей сказал: "О Божества расцвет..."»²⁶, и Она является в золотой лазури, как только поэт *подумал это*. Но если падший ум – таково наблюдение философа в стихотворении «Восторг души расчетливым обманом...» (1885 г.) – передает свою *святыню* и способность возноситься к ней, то он оказывается *прикованным* к земле, слабым и немощным. Для высоких созерцаний, для встреч с Ней необходимы оба пути – мистический и мыслительный, они должны быть едиными: в стихотворении «Близко, далеко, не здесь и не там...» (1875–1876 гг.) поэт сообщает своей властителнице, что в Ее руки отдает все силы своих *чувств и дум, сердца и ума*. Так стихи философа подтверждают единство двух граней соловьевского творчества – философии и поэзии.

Мотив мышления звучит и в поэзии А.Ф. Лосева, который включал в свои поэтические тексты такие лексемы, как *смысл, ум, дух, умозрение, Абсолют*. В стихотворении «Оправдание» Лосевым создается поэтический трактат об «уме» (его неоплатонические коннотации, органически соединившиеся с личным мыслительным опытом, отмечены Е.А. Тахо-Годи²⁷). В нем сутью жизни провозглашен «восторг... *умозрений*» – «видений *ума*»²⁸. Ум, по формуле Лосева, есть «...сердечных таинств ясный свет»²⁹. Ум мыслится поэтом как сущность сердечной жизни, не эмпирия ее, но смысл, более того – не просто смысл, но ее *ясный свет* и не просто жизни души, но ее высшего выражения – *таинств души*. Об этом соотношении ума и сердца Лосев говорит со всей утонченностью поэтической речи, воплощающей его религиозный и мыслительный опыт. Ум, как он пишет в «Оправдании», есть «...лик любви в нас сокровенный, // Ее осмысленный узор» [37, с. 516]. Здесь подчеркивается понимание *ума* как смысловой основы *любви*. Говоря об *уме* как высшем средоточии сердечной жизни в ее сокровенном лике, в ее возведенности к смыслу, Лосев утверждает осмысленность любви – и в этом ракурсе она есть не что иное, как *ум*. И *видения* мыслителя есть именно *видения ума*. Так в ряде вариаций уникального лосевского стихотворения развивается основная тема – связь ума с сердцем, выражается в сгущенных философско-поэтических фор-

²⁵ См.: Соловьев В.С. Прометею // Соловьев В.С. Полн. собр. стихотворений. М.: Книга по требованию, 2021. С. 4 [28].

²⁶ См.: Соловьев В.С. Три свидания // Соловьев В.С. Полн. собр. стихотворений. С. 126.

²⁷ См.: Тахо-Годи Е.А. «Зачем нам нужен опыт помрачения сознания?» // Лосев А.Ф., Лосева В.М. «Радость на веки». Переписка лагерных времен. М.: Русский путь, 2005. С. 205–222 [29].

²⁸ Лосев А.Ф. Оправдание // Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...». В 2 т. Т. 2. М.: Время, 2002. С. 516–517 [30].

²⁹ Там же. С. 516.

мулах идея их нерасторжимого единства. Наконец, высказывается еще одна характерная особенность ума:

Ум – *средоточие свободы...* [37, с. 516].

И здесь философ-поэт XX века утверждает то, что было высказано Пушкиным в его раннем стихотворении: «*в мыслях волен я*», – мысль есть по преимуществу сфера свободы, именно в мысли, в уме человек действительно свободен.

Итак, *мысль, ум, мышление* как таковые были созерцаемы поэтами, изнутри прочувствованы, стали объектами их интеллектуальных рефлексий. Феномен *мысли* отражался ими в тональности философских размышлений, облекался в поэтические образы, и высказывания поэтов складывались в единый метатекст, несущий в себе мотив мышления во всей его многогранности. *Мысль* постигалась в созвучии с собственной духовной традицией: Пушкин и Лермонтов искали пути к духовной дисциплине, к очищению сознания и к возведению *мысли* к Богу; Соловьев и Лосев, нашедшие прочную религиозную основу в своем мировоззрении, обрели плоды и созерцательного, и мыслительного постижения истины, выразили в стихах идею прочного и плодотворного единства двух путей, значимого для русской культуры в целом, – духовного созерцания, опыта сердца, и интеллектуальной рефлексии, опыта мышления.

Список литературы

1. Соловьев В.С. Судьба Пушкина // Соловьев В.С. Собр. соч. Т. VIII. СПб.: Типогр. Товарищества «Общественная Польза», 1903. С. 26–53.
2. Франк С.Л. О задачах познания Пушкина // Франк С.Л. Этюды о Пушкине. СПб., 1998. С. 55–90.
3. Тахо-Годи Е.А. Русская литература и философия: проблемы изучения и предварительные итоги // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 10–41.
4. Василий Великий (епископ Кесарии Кападокийской, святитель). На слова: Внемли себе / изд. подгот. О.В. Алиева. М.: Изд-во Греко-латинского кабинета Ю.А. Шичалина, 2016. 200 с.
5. Пушкин А.С. Элегия // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 169.
6. Непомнящий В.С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. М.: Сестричество во имя прмц. Вел. Кн. Елизаветы, 2001. 398 с.
7. Зеньковский В.В. Философские мотивы в русской поэзии // Поэзия как жанр русской философии: антология / сост. И.Н. Сиземская. М.: ИФ РАН, 2007. С. 29–57.
8. Силантьев И.В. Лирический мотивный комплекс // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы / отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2011. С. 106–114.
9. Пушкин А.С. Чаадаеву // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1977. С. 47–49.
10. Пушкин А.С. Осень // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 246–248.
11. Шемелева Л.М. Мотивы поэзии Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 290–291.
12. Лермонтов М.Ю. Отрывок // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1958. С. 114–117.

13. Лермонтов М.Ю. Ночь // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1958. С. 309–311.
14. Лермонтов М.Ю. 1831-го июня 11 дня // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1958. С. 183–193.
15. Лермонтов М.Ю. Ночь I // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1958. С. 83–85.
16. Лермонтов М.Ю. Н.Ф. И...вой // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1958. С. 79–80.
17. Соловьёв В.С. Лермонтов // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. С. 330–347.
18. Рашковский Е.Б. Философская поэтология Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2018. Вып. 4(60). С. 11–26.
19. Соловьёв В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 465–483.
20. Булгаков С.Н. Природа в философии Владимира Соловьёва // Вл. Соловьёв: pro et contra. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2002. С. 618–646.
21. Гусев Д.В. Антропологические аспекты эсхатологии в философской поэзии Вл. Соловьёва и А. Белого // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 57–69.
22. Шмидт Е.В. Владимир Соловьёв – «философский поэт» или «поэтизирующий философ» // Соловьёвские исследования. 2008. Вып. 18. С. 238–251.
23. Smith Oliver. Vladimir Soloviev and the Spiritualization of Matter. Boston, USA: Academic Studies Press, 2010. 308 p.
24. Полякова О.Н. [Зотова О.Н.]. Точки соприкосновения поэзии и философии Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 2(34). С. 81–90.
25. Соловьёв В.С. Три свидания // Соловьёв В.С. Полн. собр. стихотворений. М.: Книга по требованию, 2021. С. 125–129.
26. Соловьёв В.С. В Альпах // Соловьёв В.С. Полн. собр. стихотворений. М.: Книга по требованию, 2021. С. 37.
27. Соловьёв В.С. Отзыв на «Песни из уголка» // Соловьёв В.С. Полн. собр. стихотворений. М.: Книга по требованию, 2021. С. 114.
28. Соловьёв В.С. Прометею // Соловьёв В.С. Полн. собр. стихотворений. М.: Книга по требованию, 2021. С. 4.
29. Тахо-Годи Е.А. «Зачем нам нужен опыт помрачения сознания?» // Лосев А.Ф., Лосева В.М. «Радость на веки». Переписка лагерных времен. М.: Русский путь, 2005. С. 205–222.
30. Лосев А.Ф. Оправдание // Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...»: в 2 т. Т. 2. М.: Время, 2002. С. 516–517.

References

(Sources)

Collected Works

1. Lermontov, M.Yu. Otryvok [Fragment], in Lermontov, M.Yu. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1958, pp. 114–117.
2. Lermontov, M.Yu. Noch' [Night], in Lermontov, M.Yu. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1958, pp. 309–311.
3. Lermontov, M.Yu. 1831-go iyunya 11 dnya [1831 June 11th day], in Lermontov, M.Yu. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1958, pp. 183–193.
4. Lermontov, M.Yu. Noch' I [Night I], in Lermontov, M.Yu. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1958, pp. 83–85.

5. Lermontov, M.Yu. N.F. I...voy [To N.F. I...], in Lermontov, M.Yu. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1958, pp. 79–80.
6. Pushkin, A.S. Elegiya [Elegy], in Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 3* [Complete works in 10 vols., vol. 3]. Leningrad: Nauka, 1977, p. 169.
7. Pushkin, A.S. Chaadaevu [To Chaadaev], in Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 2* [Complete works in 10 vols., vol. 2]. Leningrad: Nauka, 1977, pp. 47–49.
8. Pushkin, A.S. Osen' [Autumn], in Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 3* [Complete works in 10 vols., vol. 3]. Leningrad: Nauka, 1977, pp. 246–248.
9. Solov'ev, V.S. Sud'ba Pushkina [The fate of Pushkin], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy. T. 8* [Works. Vol. 8]. Saint-Petersburg: Tipografiya Tovarishchestva «Obshchestvennaya Pol'za», 1903, pp. 26–53.

Individual Works

10. Frank, S.L. O zadachakh poznaniya Pushkina [About the tasks of Pushkin's cognition], in Frank, S.L. *Etyudy o Pushkine* [Sketches about Pushkin]. Saint-Petersburg, 1998, pp. 55–90.
11. Losev, A.F. Opravdanie [Justification], in Losev, A.F. “*Ya soslan v XX vek...*” v 2 t., t. 2 [I was exiled to the XX century in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Vremya, 2002, pp. 516–517.
12. Solov'ev, V.S. Tri svidaniya [Three dates], in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2021, pp. 125–129.
13. Solov'ev, V.S. V Al'pakh [In the Alps], in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2021, p. 37.
14. Solov'ev, V.S. Otzyv na «Pesni iz ugolka» [Review of “Songs from Corner”], in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2021, p. 114.
15. Solov'ev, V.S. Prometeyu [To Prometheus], in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2021, p. 4.
16. Vasiliy Velikiy (episkop Kesarii Kappadokiyskoy, svyatitel'). *Na slova: Vnemli sebe* [To the words: feel yourself]. Moscow: Izdatel'stvo Greko-latinskogo kabineta Yu.A. Shichalina, 2016. 200 p.

(Articles from Scientific Journals)

17. Gusev, D.V. Antropologicheskie aspekty eskhatologii v filosofskoy poezii Vl. Solov'eva i A. Belogo [Anthropological aspects of eschatology in philosophical poetry of V. Solovyov and A. Bely], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2012, issue 1(33), pp. 57–69.
18. Polyakova, O.N. [Zotova, O.N.] Tochki soprikosnoveniya poezii i filosofii Vl. Solov'eva [Points of contact between poetry and philosophy of V. Solovyov], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2012, issue 2(34), pp. 81–90.
19. Rashkovskiy, E.B. Filosofskaya poetologiya Vl. Solov'eva [Philosophical poetology of V. Solovyov], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2018, issue 4(60), pp. 11–26.
20. Schmidt, E.V. Vladimir Solov'ev – «filosofskiy poet» ili «poetiziruyushchiy filosof» [Vladimir Solovyov is a “philosophical poet” or a “poetizing philosopher”], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2008, issue 18, pp. 238–251.
21. Takho-Godi, E.A. Russkaya literatura i filosofiya: problemy izucheniya i predvaritel'nye itogi [Russian literature and Philosophy: problems of study and preliminary results], in *Studia Litterarum*, 2021, vol. 6, no. 4, pp. 10–41.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

22. Bulgakov, S.N. Priroda v filosofii Vladimira Solov'eva [Nature in the philosophy of Vladimir Solovyov], in *Vl. Solov'ev: pro et contra* [Vl. Solovyov: pro et contra]. Saint-Petersburg: RKHG, 2002, pp. 618–646.

23. Silant'ev, I.V. Liricheskij motivnyy kompleks [Lyrical motif complex], in *Syuzhetno-motivnye komplekсы russkoy literatury* [Plot-motive complexes of Russian literature]. Novosibirsk: Institut filologii SO RAN, 2011, pp. 106–114.

24. Shemeleva, L.M. Motivy poezii Lermontova [Motives of Lermontov's poetry], in *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1981, pp. 290–291.

25. Solov'ev, V.S. Lermontov [Lermontov], in *M.Yu. Lermontov: pro et contra* [Lermontov: pro et contra]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2002, pp. 330–347.

26. Solov'ev, V.S. Poeziya F.I. Tyutcheva [Poetry of F.I. Tyutchev], in Solov'ev V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1991, pp. 465–483.

27. Takho-Godi, E.A. «Zachem nam nuzhen opyt pomracheniya soznaniya?» [“Why do we need the experience of obscuration of consciousness?”], in Losev, A.F., Loseva, V.M. «*Radost' na veky*». *Perepiska lagernykh vremen* [“Joy for ever”. Correspondence of the camp times]. Moscow: Russkiy put', 2005, pp. 205–222.

28. Zen'kovskiy, V.V. Filosofskie motivy v russkoy poezii [Philosophical motives in Russian poetry], in *Poeziya kak zhanr russkoy filosofii: antologiya* [Poetry as a genre of Russian philosophy: anthology]. Moscow: IF RAN, 2007, pp. 29–57.

(Monographs)

29. Nepomnyashchiy, V.S. *Da vedayut potomki pravoslavnykh. Pushkin. Rossiya. My* [Let the descendants of the Orthodox know. Pushkin. Russia. We]. Moscow: Sestrichestvo vo imya prepodobnomuchenitsy Vel. Kn. Elizavety, 2001. 398 p.

30. Smith, Oliver. Vladimir Soloviev and the Spiritualization of Matter. Boston, USA: Academic Studies Press, 2010. 308 p.